

ЮБИЛЕЙ

ПОРТРЕТ Л. М. МАЙДАНОВОЙ: НЕУМЕСТНЫЕ ШТРИХИ

Предварительные замечания

Возможно, профессор Л. М. Майданова, обучившая секретам критики речи и литературного редактирования множество практикующих журналистов, сочтет этот текст дефектным: и жанровая форма сомнительна, и предмет речи вызывает вопросы¹. Вроде бы предмет этот очевиден: текст посвящен замечательному

¹ Майданова Л. М. Критика речи и литературное редактирование. Екатеринбург, 2001.

человеку — выдающемуся ученому-лингвисту и талантливому педагогу, с которым автору этих строк посчастливилось быть знакомым. Однако автор столь активно проявляет себя в тексте, забывая о всяческой скромности, что кажется, будто он тоже полноправный герой повествования. Это ощущение вполне обосновано: мы не ставим целью охарактеризовать предмет настоящего сочинения по-научному отстраненно и объективно, а пытаемся поделиться с читателем тем образом героя, который уже многие годы живет в нашем сознании.

Что ж, пришло время отбросить привычное «мы» и, засучив рукава, взяться за дело.

Сначала было слово...

Я познакомился с ней еще будучи студентом-первокурсником. Это было одно из первых занятий. Русский язык. Нет, она не вела эту пару. Нашим преподавателем была ее ученица, Елена Григорьевна Соболева. Дама, как нам всем тогда казалось, очень суровая. Она нас и познакомила, сказав, что первое и самое важное для начинающих студентов журфака дело — поиск учебника «Практикум по современному русскому языку», автором которого является Людмила Михайловна Майданова². Этот учебник, по словам преподавателя, на ближайшие годы должен был стать нашей настольной книгой, нашей библией, без которой никто из нас далеко не уедет.

Да, сначала она была книгой. Словом. Не связанным с конкретным человеком. И тот, кто так и не смог найти с ней общий язык, действительно не доехал до старших курсов. Вот почему каждый последующий год начинался с похода в библиотеку. Нужно было попасть туда как можно раньше, пока не проснулись еще конкуренты со старших курсов. Пока первокурсники, наученные опытными преподавателями русского, не изъяли из библиотечных фондов все экземпляры «Практикума».

Со временем книжки становились все дряхлее и дряхлее. Их количество уменьшалось. В них появлялись лакуны: страницы, вырванные безответственной рукой в сиюминутном и необдуманном порыве, расходились шпаргалками на дифзачетах. Аналогичные лакуны, кстати, остались и в сознании тех студентов, что учили язык по истерзанным экземплярам учебника. Добывать «Практикум» становилось все труднее. И был даже один год, когда я остался без нашей главной книги. Поэтому могу точно описать чувства студента в подобной ситуации: растерянность, уныние, испуг.

«Майданник» — так мы называли эту книгу. Было и еще одно название, об авторстве которого можно спорить (причем одним из претендентов на авторство будет ваш покорный слуга), — «Рыжая библия». С библией все ясно. Конкретизатор «рыжая» был мотивирован не вполне ясным цветом обложки, который, кажется, варьировался от желтого и оранжевого до рыжего.

² Майданова Л. М. Практикум по современному русскому языку. Екатеринбург, 1993.

Удивительно, но мы были одним из последних поколений, выращенных на том самом 1993 года издания учебнике в его подлинном, бумажном варианте. Вскоре книга стала настоящей библиографической редкостью. И другим поколениям долгие годы приходилось довольствоваться ее электронной версией.

Кстати, через некоторое время после окончания университета я стал счастливым обладателем личного экземпляра «Практикума». Причем новенького, будто только что вышедшего с типографского станка. Это был подарок от автора. Сегодня, когда в свет вышла обновленная версия учебника³, я все реже достаю с полки его старшего брата. И до сих пор стесняюсь обратиться к Людмиле Михайловне Майдановой с просьбой подписать мне его.

Очная ставка

Настоящее знакомство состоялось много позднее. Очень хорошо помню тот день. Пятый курс. Уже, наверное, после защиты диплома. Кафедра русского языка, которую все нормальные студенты журфака старательно обходили стороной, потому что не было предметов сложнее и преподавателей строже, чем здесь. На кафедре за единственным из сохранившихся старым столом сидела миниатюрная женщина. Седые волосы, массивные старомодные очки — все это выдавало возраст и нежелание делать вид, что никакого возраста нет (эта прямота, как впоследствии оказалось, вообще присуща нашей героини). Тихий голос. Несспешная речь. И самое удивительное — внимание, уважение и даже участие, которых я уж точно не ожидал.

Нашу встречу организовала Татьяна Григорьевна Федотовских — еще одна ее ученица, читавшая нам, пятикурсникам, литературное редактирование и руководившая моим дипломом. Вот этот диплом она и показала профессору Майдановой, объяснив, что автор его не прочь пойти в аспирантуру.

Людмила Михайловна к тому времени уже не преподавала на факультете. Она была профессором-консультантом кафедры русского языка и стилистики. И, конечно же, остается нашим главным консультантом сейчас — только теперь, к несчастью всего факультета, на общественных началах.

Вряд ли тот диплом был столь хорош, чтобы предопределить отношение маститого профессора к выпускнику. Я и до сих пор не понимаю причин ее человеческого и человечного отношения. Человек, который до сих пор был для меня исключительно книгой, разговаривал со мной очень просто. Слушал меня, будто мои мысли могли представлять хоть какой-то интерес. А узнав, что подписан уже приказ министра обороны, в котором сказано «лейтенанта Каблукова Е. В. призвать в ряды Вооруженных сил РФ и предоставить в распоряжение командующего Северокавказским военным округом», Людмила Михайловна и вовсе разгорячилась (движения ее и мимика оживились) и как-то по-матерински сказала: «Вот еще!»

³ Майданова Л. М. Практикум по современному русскому литературному языку. Екатеринбург, 2007.

Не знаю, как правильно передать это ощущение. Но за все время нашей пусть и непродолжительной беседы я не заметил, чтобы миниатюрная женщина за почти антикварным столом увеличивалась в размерах от собственной значимости. Она оказалась простым человеком, точнее, человеком, умеющим быть простым.

В тот день я вышел с кафедры аспирантом Людмилы Михайловны Майдановой.

Научный руководитель

Много раз приходилось мне слышать душераздирающие истории про ужасный, выматывающий морально и физически период работы над диссертацией. Были в этих историях и обмороки, и истерики, и килограммы антидепрессантов, съеденных несчастными аспирантами и соискателями. Были и страшилки про монстров научных руководителей.

И столько же раз видел я изумление на лицах тех, кто эти истории рассказывал. Изумление от моей истории.

Работать над диссертацией мне было интересно и комфортно. Временами я, конечно же, занимался самоедством и самобичеванием, но все это было обусловлено собственным ужасным характером. Я не помню ни одной встречи с моим научным руководителем, после которой бы у меня было плохое настроение. Сложно охарактеризовать весь этот долгий процесс, но я постараюсь. Предупрежу лишь: это будут отдельные эпизоды и факты, отражающие обрывочные воспоминания человека, который никогда не вел дневник. Может, это и к лучшему: есть надежда, что изложенная в такой форме информация окажется по зубам и нынешним студентам, на внимание которых я очень надеюсь.

Есть научные руководители, у которых работа с аспирантами и производство кандидатов наук поставлены на поток. В этом, как мне представляется, одна из причин снижения уровня диссертаций, а также дискредитации ученых степеней вместе с их обладателями, сопровождаемой теперь еще и шумной информационной кампанией. Как-то раз, беседуя с Людмилой Михайловной, я узнал, что являюсь то ли пятым, то ли шестым ее аспирантом. Она никогда не гналась за количеством, не пыталась сделать имя, используя главную инновацию Генри Форда.

Людмила Михайловна никогда не навязывала мне ни тему исследования, ни его концепцию. Она всеми силами старалась выявить мои собственные интересы. Отправной точкой стала тема диплома. Так я на долгие годы погрузился в пучины политического дискурса. Вторым шагом стало определение материала исследования. А потом... Нет, блюдечка с золотой каемочкой в этой истории не будет. Концепция работы рождалась очень долго. Как только не подходили мы к материалу до того, как очертания диссертации стали более или менее очевидны. И постоянно я слышал: «Надо идти от материала». Спорить с этой истиной бессмысленно.

Людмила Михайловна спокойно переносила все мои выходки. Когда я не вносил ее исправления в текст. Когда вносил, но до неузнаваемости перераба-

тывал их или, как минимум, переписывал все своими словами. Когда приносил какие-то нелепые идеи и потом тратил на них время, вместо того чтобы заниматься намеченными делами. В общем, работа над диссертацией благодаря научному руководителю превратилась в настоящий творческий процесс. Людмила Михайловна внушила мне, что это моя работа, я ее автор и я отвечаю за результат. Можно было делать шаг влево, шаг вправо. И не один. Расстрела не следовало.

Порой Людмила Михайловна, конечно, торопила меня. Только как-то очень аккуратно и, пожалуй, даже слишком корректно. Ни разу она не повысила голос. Ни разу не показала раздражения из-за моей непунктуальности. Вероятно, поэтому у меня сложилось мнение, что методика Майдановой чем-то похожа на стратегию Кутузова, который совершенно не желал форсировать события и изнурять армию крупными столкновениями с противником. «Сначала надо сдать кандидатские по философии и иностранному, — говорила Людмила Михайловна, — а потом браться за диссертацию». И порой казалось, что события развиваются слишком медленно, что давно уже пришло время дать генеральное сражение. Иначе не успеть. Но это несуетливое движение вперед не превратилось в знаменитое «надо погодить». Генеральное сражение, простите, защита состоялась даже раньше, чем того требуют правила.

Так уж бывает, что преподаватель не утруждает себя чтением всего, что приносят его подопечные. С Людмилой Михайловной все наоборот. Материалом моего исследования были стенограммы пленарных заседаний Госдумы. Каждая стенограмма — это 200–300 тысяч знаков. Читать такое от корки до корки не очень-то приятно. Однако меня до сих пор не покидает ощущение, что мой научный руководитель прочел больше стенограмм, чем я сам.

Как-то раз рано утром Людмила Михайловна сообщила по телефону, что увидела концепцию моей диссертации... во сне. Описала мне ее. Я где-то поддавал, где-то задавал уточняющие вопросы, но все равно ничего не понял. Уж не знаю, совпал ли результат, представленный на суд диссертационного совета, с тем, что было в том сне.

Мы никогда не работали у Людмилы Михайловны дома. Все консультации велись в университете. Но все же несколько раз я заходил к ней в квартиру. Сейчас, когда я пишу этот текст, в голову приходят строки Брюсова: «А мы, мудрецы и поэты, хранители тайны и веры, унесем зажженные светы в катакомбы, в пустыни, в пещеры». Мне кажется, что для моего научного руководителя квартира — это именно пещера, предназначенная для главного таинства — научной и методической работы. Книги, разложенные стопками везде, где только эти стопки можно представить. Нет там всеми горячо любимого евроремонта, потому что в пещере его и не должно быть. Сразу видно, что хозяин этой квартиры живет не столько в ней, сколько в книгах — чужих и своих.

В ситуации, когда все кому не лень заняты выискиванием plagiat в диссертациях, раскрою крамольную тайну. Нет, не про кандидатскую Бурматова. И не про докторскую Жириновского. Дело в том, что первый абзац моей работы написан не мной. Настоящим автором этих слов является Людмила Михайловна Майданова. Она предложила вставить данный абзац в самое начало

работы. Я, как всегда, спорил. Мол, все это не соответствует моему стилю, да и вообще как-то не очень сочетается с последующим текстом. «Поверьте моему опыту. Добавьте этот абзац. И все будет хорошо», — сказала она⁴.

Помню Людмилу Михайловну на защите. Миниатюрная женщина была там, казалось, еще меньше. Она сидела, низко склоняясь над столом, обтянутым зеленым сукном, и быстро-быстро что-то писала, будто вела стенограмму заседания. Было заметно: она волновалась. Переживала, быть может, больше каждого своего аспиранта. Позднее я был на защите другого ее докторанта. Все было точно так же.

Университетская кухня

Преподавать я начал, еще обучаясь в аспирантуре. В эту историю, которая продолжается до сих пор, меня втянула все та же Людмила Михайловна. Конечно же, именно она была главным моим консультантом по всем методическим вопросам.

Как-то пришлось в течение одного семестра вести русский язык, курс синтаксиса. «Это, конечно, не ваше. Русский язык вообще не для мужчин: все эти мелочи, запятые, закорючки. Но вы уж потерпите», — говорила Людмила Михайловна, успокаивая меня. А на одной из пар студенты задали вопрос, связанный с интерпретацией того самого легендарного «Практикума». Я, признаюсь, и сам точно не знал, почему, характеризуя предложение, автор учебника в одном месте выделяет два типа коммуникативного намерения говорящего, а в другом — три. Можно было порассуждать на эту тему, но гораздо интереснее было устроить небольшое шоу, которое в отдельном научном исследовании вполне может быть описано как пример театрализации академического дискурса⁵.

— Давайте спросим у автора! — предложил я, доставая телефон. К счастью, Людмила Михайловна взяла трубку.

— Дело в том, Женечка, что запрос тоже предполагает передачу некоторой информации. Информации о том, что у говорящего недостаточно каких-либо данных. Поэтому эти типы интенций можно объединить, — пояснила Людмила Михайловна.

Все это время в аудитории стояла такая тишина, что грех не использовать эпитет «гробовая».

— Вы что серьезно звонили Майдановой? — спросил за всех один негромкий, но явно самый смелый, самый любопытный и самый изумленный голос.

А сколько после этого было вопросов! Кто-то даже проявил изрядную осведомленность, спросив, почему Людмила Михайловна не преподает больше у нас, в то время как в Гуманитарном по-прежнему работает со студентами. Этот воп-

⁴ Каблуков Е. В. «Пленарное заседание Государственной думы»: дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007. С. 6.

⁵ Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования (М.). 2002. № 3. С. 37; Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 62–66.

рос актуален и для меня. Впрочем, теперь его следует скорректировать, ведь вскоре профессор Майданова покинула и Гуманитарный университет. Почему она ушла? Могу поделиться версией ответа. Мне кажется, что ей слишком сложно смотреть на те процессы, которые происходят в современном университете, да и во всей системе российского образования. Бороться с этой системой почти невозможно, а молчаливо сносить ее глупость — занятие не для нашего героя, который даже в советские времена умудрялся что-то менять.

Так, много-много лет назад руководство университета решило пересмотреть нормы времени, отводимого для проверки контрольных работ студентов-заочников. Пересмотреть в сторону уменьшения. В то время нашей кафедрой как раз заведовала Людмила Михайловна. И она не смирилась, а каким-то образом заставила ректора — этот пост тогда занимал Паригорий Евстафьевич Суэтин — слушать рассказы о том, что такое контрольная работа по русскому, стилистике и литературу для студентов-журналистов и почему эту контрольную нельзя проверить за полчаса. Ректор не просто слушал: он принял приведенные аргументы, а позднее, мотивируя особые условия для нашей кафедры, долго с видом знатока объяснял членам ученого совета, что такая побуквенная проверка. В итоге нормы все же изменили. И времени для проверки стало больше!

Впрочем, годы спустя эти самые нормы в университете поменяли вновь, проигнорировав и действующее законодательство, и здравый смысл. По телефону я рассказал Людмиле Михайловне о робких попытках бороться с этим произволом.

— Удачи в вашей борьбе! — сказала она.

Так закончился наш разговор. Пока не было повода звонить вновь: особых успехов в борьбе мы не достигли. Впрочем, есть гораздо более приятная причина взяться за телефонную трубку — 4 декабря у Людмилы Михайловны юбилей.

Поздравляю Вас, уважаемая Людмила Михайловна! Здоровья и долгих лет!

Ваш Женечка

Вместо заключения

Надеемся, читатель извинит нас за столь вольный и хаотичный стиль. Но как же еще можно было написать о единственном на свете человеке, называющем автора этих строк столь неформальным именем — «Женечка». Уверены, что сочинение это пробудит у всех, кто знает нашего героя, множество эмоций и воспоминаний. Если же вы до сих пор не знакомы (хотя по прочтении данного текста говорить так уже, как минимум, неприлично), осмелимся дать совет: пролистайте книги Людмилы Михайловны⁶. Хотя бы потому, что на них выросли

⁶ См., например: *Майданова Л. М. Критика речи и литературное редактирование*. Екатеринбург, 2001 ; *Она же. Очерки по практической стилистике*. Свердловск, 1987 ; *Она же. Практикум по современному русскому литературному языку*. Екатеринбург, 2007 ; *Она же. Речевая интенция и типология вторичных текстов* // Человек — Текст — Культура. Екатеринбург, 1994 ; *Она же. Средства выразительного письма*. Екатеринбург, 2009 ; *Она же. Структура и композиция газетного текста*. Красноярск, 1987 ; *Майданова Л. М., Калганова С. О. Практическая стилистика жанров СМИ*. Екатеринбург, 2006.

все уральские журналисты. И тогда в вашем сознании тоже будет жить миниатюрная женщина, написавшая рыжую библию.

E. V. Каблуков, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» УрФУ

Л. М. МАЙДАНОВА: ЧЕЛОВЕК, УМЕЮЩИЙ ВДОХНОВЛЯТЬ

Он наше утверждение и столп,
он твердый адамант в шатанье общем.

А. Островский

Выражение «столп науки» — вот первое, что приходит в голову, когда я думаю о Людмиле Михайловне Майдановой. Обычные слова уважения и благодарности к ней даже как-то не подходят. Благоговение — да, подойдет. Столп — «выдающийся человек, являющийся надежной опорой чего-нибудь» — это толкование из словаря Д. Н. Ушакова. В более современных словарях слово тоже есть, но толкования уже боятся пафоса, который еще был вполне уместен в первой половине XX в. А в нашем случае высокий пафос важен.

Трудовая жизнь профессора Л. М. Майдановой неразрывно связана с Уральским государственным университетом. Еще будучи студенткой филологического факультета, она выделялась целеустремленностью и преданностью избранной профессии. Ее научные изыскания начинались в фольклорных экспедициях, которыми руководил выдающийся ученый А. К. Матвеев. На долгие годы он стал для Людмилы Михайловны образцом ответственности, принципиальности — Учителем. Важная деталь: когда Л. М. Майданову в 1961 г., после окончания университета, направили работать учителем русского языка и литературы в одну из средних школ Свердловской области, во время своих летних отпусков она по-прежнему отправлялась в экспедиции со студентами-филологами, просто так, по зову сердца.

Неудивительно, что наша героиня через два года после окончания университета вернулась на филологический факультет в качестве аспирантки, а затем стала преподавателем. В 1974 г. она блестяще защитила кандидатскую диссертацию на тему «Номинативные варианты обозначения реалий в русских говорах Среднего Урала». Тема связана с ее первой научной привязанностью — диалектологией. Однако в 1974 г. Людмила Михайловна уже была всецело погружена в другую область лингвистики, так как за четыре года до этого ей предложили стать преподавателем на кафедре русского языка и стилистики факультета журналистики. И она согласилась: если надо, значит, надо. Неизвестно, радовалась ли она этой карьерной перемене: Л. М. Майданова всегда была человеком долга в высочайшей степени, и о чувствах ее известно мало. А факты говорят следующее: она пришла на кафедру в 1971 г. и через несколько лет ее возглавила.